

## УСПЕХ

Еще продолжают первые в истории абхазской культуры гастроли национального театра Абхазии в Москве, но уже можно судить о том, какое значение имела эта творческая встреча, по-видимому, не только для абхазского театрального искусства. Спектакли смотрела группа ведущих критиков Москвы, они успели обменяться суждениями, и я, таким образом, выражаю сейчас не только свое личное мнение.

По каким критериям судят московские зрители и критика об успехе или неудаче театральных гастролей того или иного коллектива? Прежде всего, по количеству и качеству открытий, сделанных театром. Хорошей игрой нынче уже не покоришь, хоть и вызовешь симпатии. Признание завоевывают оригинальностью видения мира, самобытностью режиссерского почерка, актерских дарований, а главное, — верно-стью генеральной теме, основной идейно-художественной магистральной театра.

Итак, оригинальность взгляда на мир и человека. Абхазский театр подтвердил ее каждым своим спектаклем. Театр смотрит на мир поэтически. Я глядел на сцену и вспоминал слова народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба: «В Абхазии очень трудно быть поэтом — здесь все поэты».

Поэтически решен образ народного героя Хаджарата в «Песне о скале» Б. Шинкуба: Л. Авидзба — актер завидной простоты и сердечности исполнения — играет, прежде всего, бесхитростную честность и веру своего героя в добро. Он пронесит эту же поэтическую тему в солнечном, полном юмора и человеческого тепла спектакле, доставленном Д. Кортава. — «Не беспокойся, мама!». Пограничник Петр Щербина в исполнении Л. Авидзба ярко сочетает в своем характере черты украинца и абхаза. Столь же поэтичен и глубоки его Заур — герой инсценировки романа Ивана Панаскири «Женская честь». Романтической поэтикой пронизана игра А. Мукба в роли Дон Карлоса. Лирической поэтикой озарен образ героя шиллеровской трагедии в исполнении В. Кове — актера, о котором в эти дни заговорила вся театральная Москва.

«Снегурочка» и «Лесная песня» — произведения русской и украинской классики — открылись перед нами новыми гранями именно потому, что режиссер Нелли Эшба смело пронизала их абхазской национальной поэтикой: даже лесни звучат в абхазском ладу, и это их обогащает.

Далее — самостоятельность режиссерского стиля и почерка. Достаточно вспомнить чепуховую графику мизансцен, каждая из которых — точно ожившая средневековая гравюра — в «Дон Карлосе» и одухотворенная живопись Палеха — в «Снегурочке». Тщательный отбор выразительных средств в мощное, выпуклое их выявление — это черты режиссуры зрелой, осмысленной, современной.

Мы увидели Абхазию в Москве так, как увидели бы ее в гостеприимном абхазском доме, где щедро делятся обычаями, легендами, песнями. Все, связанное с национальными обрядами, традициями аламыса, с преодолением тяжелых последствий аdata, вызывает немедленную реакцию зрительного зала, подвергается обсуждению после спектаклей, обстается в памяти зрителей. Театр выполняет благороднейшую миссию в эти дни — «влюбляет в Абхазию» ее народ москвичей и гостей столицы. После «Дон Карлоса» мне не верят, когда я

рассказываю о том, что еще сорок четыре года назад Абхазия не имела своего профессионального театра, не знала своей письменности до Октября. Шиллеровский спектакль создает ощущение прочного овладения наследием мировой культуры, глубокого историзма и стремления поглядеть на историю с позиций современника.

Думаю, что театр созрел для создания спектаклей психологических, характеров многосложных, противоречивых, для художественного бращения философских проблем. Эта уверенность покоится на режиссерских достижениях в «Дон Карлосе» на актерских победах Ш. Пачалиа в роли короля Филиппа Р. Агрба — в роли дяди Ваню из «Не беспокойся, мама!», Ш. Гицба — маркиза Позы и С. Дбар — королевы Елизаветы Валуа. На пути к психологическому театру — актерские работы А. Тания — Доминго, А. Ермолова — князя Шаабата, В. Аблотиа — Темо Джакети, которого хочется назвать «абхазским Швейкмом».

Ш. Пачалиа играет Филиппа контрастно, подчеркивая страшную трагедию талантливого властителя, который отнял у народа право на мысль и инициативу. И такое решение образа правомерно, потому что Филипп — не только деспот, но и жертва деспотизма католической инквизиции. Подход большого художника к роли гуманен, и в этом его особый успех.

Столь же точно чувствует перспективу развития каждого образа талантливый актер Ш. Гицба. Его бесспорная удача — роль Лукаша в «Лесной песне». Его бесспорная победа — умный, идущий на самопожертвование ради высокой идеи свободолюбивый маркиз Поза.

В остросовременной, трагикомической манере строит образ дяди Ваню («Не беспокойся, мама!») Р. Агрба. В его игре много импровизации, он притягатель в паузах, в ярких, красноречивых сценических «зонах молчания».

Театру подвластна и высокая трагедия. Сложную трагическую гамму создает в образе принцессы Эболи В. Маан — актриса неожиданных и сильных эмоциональных взлетов.

Любопытное наблюдение: уже на втором спектакле — на «Женской чести» (после того, как москвичи познакомились с «Песней о скале») немедленное оживление в зрительном зале вызвало появление на сцене З. Миквабна-Ермоловой. Сочное ее дарование, которому доступны и образы народной трагедии, и гротескные, заразные в своей комедийности краски, выдвинули эту актрису в число любимцев театральной Москвы.

Сообщу для читателей «Советской Абхазии», что театр не сразу, не одним духом покорила москвичей. Нет, все было не так. Первый спектакль настроивал на критический лад много дождавшихся московских театралов. Успех был взят с бою, и потому победа стала особо почетной. И сегодня очень хочется напомнить, что этот успех вызывает в нашей памяти благодарность и первопродвицам абхазского театрального искусства, его основателям и воспитателям: учителю и писателю Дмитрию Гулна, революционеру и драматургу Самсону Чамба, режиссерам и актерам Василию Домогарову, Акакию Хораву и Акакию Васадзе. Сбылась их мечта: абхазский театр занял достойное место в профессиональном искусстве Страны Советов.

Александр КРАВЦОВ,  
корреспондент журнала  
«Москва».